

Сложное синтаксическое целое: использование грамматических форм сказуемого для выражения коммуникативных интенций

Complex Syntactic Whole: the Use of Grammatical Forms of the Predicate for Expressing Communicative Intentions

DOI: 10.12737/7162

Получено: 5 октября 2014 г. / Одобрено: 7 октября 2014 г. / Опубликовано: 17 декабря 2014 г.

А.Г. Торжок

Канд. филол. наук, доцент,
Белорусский государственный университет,
Беларусь, 220030, г. Минск,
пр. Независимости, д. 4,
e-mail: atorzhok@mail.ru

A.G. Torzhok

Ph.D. in Philology,
Belarus State University,
4 Prospekt Nezavisimosti, Minsk, 220030, Belarus,
e-mail: atorzhok@mail.ru

Е.В. Воевода

Д-р пед. наук, доцент,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России,
Россия, 119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76,
e-mail: elenavoevoda@yandex.ru

E.V. Voevoda

Doctor Habil. (Pedagogy),
Moscow State Institute of International Relations
(University),
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia,
e-mail: elenavoevoda@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается роль грамматических форм сказуемого в выражении коммуникативных интенций говорящего в рамках сложного синтаксического целого. Анализируя специфику замещения, автор отмечает, что имплицитное замещение осуществляется при помощи нулевого заместителя, в то время как для эксплицитного замещения используется глагол-заместитель *to do*. Этот вид замещения существует как самостоятельное грамматическое явление на основании противопоставления эксплицитной форме сказуемого. Сигналами имплицитного (нулевого) замещения лексической части сказуемого служат вспомогательные и модальные глаголы. Глагол-заместитель *to do*, благодаря своей широкой семантике, замещает, в основном, «глаголы действия». В большинстве случаев эти два вида замещения сказуемого и все сопутствующие ему явления следует рассматривать на уровне более высоком, чем предложение, т.е. в последовательности предложений – сложном синтаксическом целом. Анализ противопоставления грамматических форм полносоставного и неполносоставного сказуемых с целью выявления коммуникативных намерений говорящего или новых актуальных для говорящего и адресата смыслах и воздействия на адресата показал, что такое противопоставление способствует формированию экспрессивно-прагматического потенциала высказывания.

Ключевые слова: коммуникативная интенция, сложное синтаксическое целое, имплицитное и эксплицитное замещение, вспомогательные и модальные глаголы, нулевой заместитель, противопоставление.

Последние десятилетия отмечены оживлением интереса к иностранным языкам. Использование английского языка в качестве международного контактного языка заставляет внимательно изучать не только традиционный лексико-грамматический материал, но и то, что именно имплицитно употреблению того или иного лексического или грамматического явления в определенном контексте, как оно способствует формированию экспрессивно-прагматического потенциала высказывания [4]. Целью настоящего исследования является выявление коммуникативного потенциала. Статья является продолжением исследования коммуникативной функции сложного синтаксического целого, начатого И.С. Папушей в № 1 журнала за 2013 г. [8].

Abstract

The article considers the role of the grammatical forms of the predicate in expressing communicative intentions of the speaker within complex syntactic whole. Analyzing the specifics of substitution, the author points out that implicit substitution, or deletion, is made with the help of zero substitute, while explicit substitution or replacement, implies the use of the verb 'to do'. This type of substitution exists as a separate grammatical phenomenon based on the opposition to the explicit form of the predicate. Auxiliary and modal verbs serve as markers of implicit (zero) substitution of the lexical part of the predicate. The substitute verb 'to do', due to its wide semantics, often replaces 'action verbs'. In most cases, these two types of predicate substitution and the related phenomena are to be considered in a wide context – a complex syntactical whole. An analysis of opposition of grammatical forms of the predicate, with the aim of defining communicative intentions of the speaker or new implications relevant for both communicants and ways of effecting the addressee, shows that such an opposition helps to build the expressive and pragmatic potential of the statement.

Keywords: communicative intention, complex syntactical whole, implicit and explicit substitution, auxiliary and modal verbs, zero substitute, opposition.

С развитием лингвистической прагматики и коммуникативной лингвистики возрос интерес ученых к изучению средств выражения отношений между соотношением языковых форм и коммуникативным намерением говорящего. Среди прочих средств особое внимание привлекают замещение и противопоставление форм сказуемого на уровне сложного синтаксического целого, представляющего собой «группу тесно взаимосвязанных предложений» [11].

Лингвистические исследования последних десятилетий, рассматривающие имплицитные явления и имплицитные коммуникативные конструкции в языке, были сосредоточены на имплицитных аспектах номинации (Я.А. Перванов), имплицитном

отрицании (Е.В. Падучева), имплицитном слово-производстве (Ш. Балли), имплицитном долженствовании (Т.С. Оганезова) и соотношении имплицитной и эксплицитной грамматики (Л.М. Боряева). Однако работы, рассматривающие имплицитное и эксплицитное замещение сказуемого в английском предложении, практически отсутствуют – при том, что английское предложение, по сути своей, вербоцентрично, и глагол несет основную коммуникативную нагрузку. Как отмечает Р. Краймз, именно сказуемое, а не какой-либо иной член предложения, оказывается главным представителем предложения в его внешних связях [16, с. 15]. Что касается противопоставления грамматических форм полносоставного и неполносоставного сказуемых в рамках сложного синтаксического целого, то эта тема исследована в еще меньшей степени – в основном в работах И.С. Папуши, связанных с ее диссертационным исследованием [9].

Коммуникативную функцию сложного синтаксического целого (ССЦ) анализируют в своих работах Н.С. Валгина, Л.П. Водясова, О.С. Иссерс, И.С. Папуша, Н.С. Поспелов, А.Г. Торжок и другие лингвисты [1; 3; 5; 9; 10; 12]. Анализируя теоретическое и практическое значение изучения текста, его семантики, процессов его порождения и восприятия, его свойств, связанных с функционированием в конкретном акте коммуникации, Л.П. Водясова рассматривает текст как «единицу вербальной коммуникации», как «сложное единство... объединенное коммуникативной целостностью, смысловой завершенностью, логической, семантической и грамматической связями» [3, с. 6–7].

С точки зрения И.С. Папуши, исследовавшей коммуникативную функцию сложного синтаксического целого, «проявление целеустановки и интенции автора напрямую связано с композиционными составляющими ССЦ», «каждая языковая единица предписана организацией данного ССЦ, которая, в свою очередь, подчинена целеустановке автора». Тот же исследователь подчеркивает, что «в поле языкового напряжения в ССЦ актуализируются смыслы, заложенные в определенных языковых категориях и грамматических формах, приобретающих большую значимость в рамках конкретного сложного синтаксического целого» [8, с. 18].

О.С. Иссерс отмечает, что противопоставление грамматических форм сказуемого, или грамматические контрасты, могут использоваться в пределах одного высказывания как один из способов когнитивно-прагматического речевого воздействия в области профессиональной коммуникации – для акцентирования внимания на актуальных для гово-

рящего и его адресата смыслах [5, с. 133]. При этом речевое воздействие можно рассматривать не только как узкую профессионально направленную коммуникацию, но и как любое достаточно широкое речевое общение, описанное с позиций одного из коммуникантов.

Рассмотрим коммуникативные интенции и прагматические значения, выявляемые при противопоставлении грамматических форм сказуемого в последовательности предложений, объединенных общей смысловой соотношенностью к одному действию.

Обычно значение глагольного сказуемого включает в себя не только лексическое значение смыслового глагола, но и различные грамматические значения формы сказуемого. Эти грамматические значения сказуемого выступают как неразложимое целое, благодаря чему при имплицитном выражении лексической части сказуемого его первая часть, точнее, «синтаксически вспомогательные глаголы» [7, с. 53], представляющие эту первую часть сказуемого, могут передавать грамматическое значение всего сказуемого и выступать формальным представителем всей структуры сказуемого. Именно эта грамматическая целостность и делает неполносоставное сказуемое равноправным членом оппозиции по грамматическим признакам, как в высказываниях типа *I won't go there. I can't*. Здесь эксплицитно выраженная в первом предложении форма *go* имплицитно присутствует в позиции после модального глагола – *can't (go)* [13].

В высказывании *I don't know what you think about them. I never have*. видовой контраст указывает не только на результативность, но и на новый смысл, важный для обоих коммуникантов. Таким образом, при противопоставлении грамматических форм сказуемого наличие имплицитной лексической части придает высказыванию больший динамизм и позволяет сосредоточить внимание на актуальных для говорящего и его адресата смыслах.

Семантические связи сложного целого скрыты в его глубинной структуре и незаметны на первый взгляд. Вскрыть характер упомянутых смысловых связей помогает синтаксическая структура сложного целого. Факт существования структурных отношений определяется с помощью грамматико-лексических средств выражения сочетаемости элементов в пределах сложного целого. Среди них важная роль принадлежит словам-субститутам – формам, которые употребляются только в том структурном окружении, в котором может быть употреблено и само замещаемое слово. Наибольший интерес представляют глагольные заместители сказуемого в слож-

ном синтаксическом целом, в том числе нулевой глагольный заместитель.

Существуют различные точки зрения относительно того, какие глаголы следует отнести к глаголам-субститутам. Так, В.Н. Ярцева считает, что субститутами являются все вспомогательные и модальные глаголы. При этом слово-заместитель, во-первых, выполняет функцию отсутствующего члена словосочетания, а во-вторых, несет его лексическое значение [15]. Например: *Sometimes I know I'm going to die. — You won't. You can't. — But what if I should?* (E. Hemingway). В данном примере глаголы *won't*, *can't* и *should*, с одной стороны, выражают собственные лексические и грамматические (времени, лица, наклонения) значения, а с другой стороны, передают значение отсутствующей части сказуемого (*die*). Если придерживаться этой точки зрения, то к заместителям следует отнести глаголы *let* и *make*, а также инфинитивную частицу *to* в следующих примерах:

- *She took the book. Let her.*
- *He doesn't want to do it. We'll make him.*
- *We are really married. I couldn't be any more married. — I only wanted to for you.*

В вышеприведенных примерах следует обратить внимание на то, что смысловая часть структуры материально не представлена, поэтому можно сделать вывод, что модальные и вспомогательные глаголы, глаголы *let*, *make*, инфинитивная частица *to* в данных случаях не замещают, а имплицитно содержат смысловую переменную части сказуемого. Действительным заместителем имплицитной части сказуемого является нулевой субститут, сигналом наличия которого и являются в данных примерах вспомогательные и модальные глаголы, глаголы *let* и *make*, инфинитивная частица *to*. Основанием для такого утверждения служит то, что переменную часть сказуемого можно эксплицитно в том же структурном окружении, в каком представлена замещаемая часть сказуемого предыдущих предложений. Перечисленные глаголы лишь формально представляют сказуемое при имплицитном выражении части сказуемого. При замещении нулевым субститутом обязательно наличие сигнала. Его отсутствие изменяет смысл: *I have left Soames. You always wanted me to*. Если убрать *to*, смысл сложного синтаксического целого изменится: *You always wanted me*.

Согласно другой точке зрения (В.П. Кобков), единственным глаголом-заместителем является глагол *do*, остальные вспомогательные и модальные глаголы выполняют функцию слов-представителей [6]. Из этого следует, что между глаголом *do* и дру-

гими вспомогательными и модальными глаголами существует принципиальная разница. Рассмотрим следующий пример: *Does he say he loves her? Tell me, please, it's important. — He does if he wants to. — But you never did? Really? — No. — Not really. Tell me the truth. — "No", I lied. — "You wouldn't" she said, "I knew, you wouldn't. — Oh, I love you, darling."* (J. Joyce). Последовательный анализ всех случаев употребления в приведенном выше примере показывает, что их функции аналогичны. В первом случае *does* — вспомогательный глагол, позиция которого указывает на то, что предложение является вопросительным. Во втором случае *does* остается тем же вспомогательным глаголом, позиция которого при отсутствии части сказуемого позволяет определить его как формального представителя сказуемого и, соответственно, сигнал последующего имплицитного (нулевого) замещения части сказуемого. Если мысленно эксплицитно имплицитно представленную часть сказуемого *say*, то получим аналитическую форму *does say*, которая будет вполне правильно грамматически. Точно так же можно эксплицитно *say* в *you never did — you never did say*.

Таким образом, английские глаголы *to do* и *do* представляют два вида глагольного замещения: эксплицитное и имплицитное. Имплицитное замещение осуществляется с помощью нулевого субститута, сигналами наличия которого являются позиционно предвещающие нулевой субститут вспомогательные и модальные глаголы, инфинитивная частица *to* и глаголы типа *let* и *make*. В случае эксплицитного замещения субститут служит знаменательный глагол *to do* (делать). Для обоих видов замещения характерны особенности, которые очевидно, если имплицитное и эксплицитное замещение рассматривать в сравнении. Так, например, если нулевым субститут может замещаться практически любая глагольная форма, перед которой имеется сигнал нулевого замещения, то глагол-заместитель *do* благодаря своей семантике замещает в основном (но не исключительно) так называемые «глаголы действия». Причем лексическое значение *do* настолько широко, что его можно назвать глаголом обобщенного действия [12].

Существенное значение для понимания коммуникативных интенций говорящего имеет противопоставление грамматических форм времени, например: *His eyes seemed to say "I know my business best". He always had and always would*. В этом контексте налицо противопоставление грамматических значений сказуемых представленных предложений, т.е. временных планов настоящего, прошедшего и будущего: *know — had (known) — would (know)* при общем

модальном значении реальности действия. Полное противопоставление временных форм – настоящего, прошедшего, будущего – интересно тем, что с помощью такого противопоставления наиболее полно достигается коммуникативная цель говорящего, как бы выносящего окончательный приговор: он всегда таков – сейчас, в прошлом и в будущем. Очевидно, что в этом примере мы имеем не разрозненные в смысловом отношении предложения, а единое целое с общим содержанием [13].

Противопоставление грамматических форм при отсутствии эксплицитно выраженной лексической части сказуемого в приведенных примерах создает атмосферу непринужденности, интенсифицирует явное намерение говорящего выделить, подчеркнуть новый добавочный смысл сообщаемого, который по-новому представляет уже известную для адресата информацию. Особенно интересно это проявляется при использовании модальных глаголов, которые сами по себе имеют модальные значения, имплицитно выражающие те или иные коммуникативные интенции: *I can forgive you. I thought I couldn't, but I can and I will*. В приведенном примере очевидна прагматичность противопоставления модальных глаголов, интенсивное выделение новых дополнительных смыслов. Экспрессивно-прагматический потенциал высказывания возрастает именно благодаря невыраженности лексического значения глагола *forgive* в противопоставленных сказуемых: *I couldn't, I can, I will*.

В некоторых случаях противопоставляются сами модальные планы: *Don't stand here like a presbyterian parson (...). Have a drink. No! I thought you wouldn't*. В приведенном примере противопоставление различных грамматических форм наклонения имплицитно выражает коммуникативное намерение говорящего выразить собственное отношение к предыдущему высказыванию, которое является важным для прагматики высказывания.

Идея противопоставления грамматических значений сказуемых как способа речевого воздействия в пределах одного высказывания можно определить как коммуникативно-эмотивную установку или намерение говорящего. Такая установка или намерение является одной из характеристик связи присоединения, основные особенности которой чаще всего и выявляются через противопоставление грамматических форм сказуемых предложений в пределах высказывания.

Наблюдения, касающиеся «эмоциональной значительности присоединения», особенно важны для изучения прагматических значений, выявляемых при противопоставлении грамматических форм

сказуемых, так как присоединение, по мнению В.В. Виноградова, придает речи стремительную быстроту и выразительность [2, с. 281, 355]. Говоря о сущности присоединения, Н.С. Валгина подчеркивает, что оно «передает мысль, возникшую после основного высказывания», и способно передавать «очень тонкие смысловые и экспрессивные оттенки значений» [1].

Указывая на импровизационный характер присоединения, Л.В. Щерба отмечает тесную связь между понятиями импровизационности содержания и эмоциональности выражения при этой связи [14, с. 80]. Импровизационность и эмоциональность присоединенного предложения с противопоставленным сказуемым позволяет рассматривать противопоставленность грамматических форм сказуемых как средство выявления прагматических значений в речи. В следующем примере из пьесы Б. Шоу «Пигмалион» неполное предложение присоединяется к полному для дополнения предыдущего высказывания и демонстрации его дальнейшего развития: *I said I'd make a woman of you; and I have. I like you like this*. Присоединяя неполное предложение, говорящий поясняет, развивает или выделяет сказуемое опорного предложения, а через него — содержание всего предложения. Неполное предложение присоединяется к полному для того, чтобы обосновать воздействие на адресата и выделить результат.

Необходимо также отметить, что прагматические значения, выявляемые при противопоставлении грамматических форм сказуемых, проявляются еще более ярко в тех случаях, когда меняется не только модально-временной план сказуемого этого предложения, но и субъект действия. Значение завершенности, законченности в таких случаях усиливается благодаря обобщенному характеру семантики субъекта действия в высказывании, например:

- *Got into trouble with the police in some way, he did, but I don't think there was anything in that. The police didn't either.*
- *You're not thinking ... for a moment that he did it, are you? I mean, shot his father his mother, both of them. I know boys do sometimes.*

В этих примерах из романов А. Кристи новые дополнительные оттенки завершения высказывания несут не только сказуемые, но и подлежащее, так как налицо смена не только модально-временного плана сказуемого, но и субъекта действия: *I don't think — the police didn't (think); he... shot — boys do (shoot)*.

Коммуникативная нагрузка нового субъекта действия в присоединенном предложении значительно

выше коммуникативной нагрузки самого действия, лексическое наполнение которого аналогично содержанию действия предшествующего полного предложения, поэтому новое действующее лицо оказывается информативно более значимым, чем само действие. Таким образом, в соответствии с характером лексического значения и коммуникативной значимостью субъекта действия присоединенного предложения смысл всего предложения можно определить как заключение, вывод, т.е. не сообщение адресату о фактах или ситуации как о следствии предшествующих явлений, а воздействие с помощью умозаключения общего характера. В представленных примерах на противопоставление сказуемых наслаивается ярко выраженная прагматика заключительного замечания, вывода-обобщения, сообщаемая новым субъектом [13].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: понимание специфики имплицитного и эксплицитного замещения, а также противопоставление грамматических форм сказуемых служит основным средством выявления различных прагматических оттенков эмоциональности, способствует более глубокому пониманию иноязычного текста и, в конечном счете, коммуникативных намерений говорящего. Знание особенностей имплицитного и эксплицитного замещения и противопоставления грамматических форм сказуемого представляет важность для подготовки будущих переводчиков, международных – всех специалистов, связанных с иноязычной коммуникацией, поскольку оно позволяет глубже понять особенности импликаций иноязычного высказывания.

Литература

1. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. Учебник. М.: Агар, 2000. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01/part-037.htm/>
2. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: Художественная литература, 1941.
3. Водясова Л.П. Сложное синтаксическое целое в современном эрзянском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 2011.
4. Воевода Е.В. Контактные языки как лингвокультурная доминанта на постсоветском пространстве / Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 172–175.
5. Иссерс О.С. Речевое воздействие: Учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009.
6. Кобков В.П. Способы выражения повторяющихся смысловых компонентов в структуре предложения в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1965.
7. Мразек Р. Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы // Вопросы языкознания. 1964. № 3.
8. Папуша И.С. Сложное синтаксическое целое как средство коммуникативного взаимодействия с адресатом // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. № 1. С. 17–20. DOI: 10.12737/170.
9. Папуша И.С. Сложное синтаксическое целое: структура, семантика, функционирование: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2011.
10. Поспелов Н.С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры / Доклады и сообщения Института русского языка. Вып. 2. М., 1948. С. 32–53.
11. Словарь лингвистических терминов. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/>
12. Торжок А.Г. Имплицитное и эксплицитное замещение сказуемого в последовательности предложений (на материале современного английского языка) / Обучение иностранным языкам: от профессионализации к профессионализму: Материалы второго международного научно-методического межвузовского семинара 18 ноября 2011 г. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 142–154.
13. Торжок А.Г. Противопоставление грамматических форм сказуемых как средство прагматики речи // Филологические науки в МГИМО. 2014. № 54.
14. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. Кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
15. Ярцева В.Н. Слова-заместители в современном английском языке // Ученые записки ЛГУ. Вып. 14. Л.: Ленинград. гос. ун-т, 1956. С. 18–25.
16. Crymes R. Some Systems of Substitution Correlations in Modern American English. The Hague, 1968.

References

1. Valgina N.S. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [The syntax of the modern Russian language]. Moscow, Agar Publ., 2000. Available at: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01/part-037.htm/>
2. Vinogradov V.V. *Stil' Pushkina* [Style of Pushkin]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1941.
3. Vodyasova L.P. *Slozhnoe sintaksicheskoe tseloe v sovremennom erzyanskom yazyke. Dokt. Diss.* [Complex syntactic unity in the modern language Erzya. Doct. Diss.]. Yoshkar-Ola, 2011.
4. Voevoda E.V. *Kontaktnye yazyki kak lingvokul'turnaya dominanta na postsovetskom prostranstve* [Contact languages as Lingvokulturnaja dominant post-Soviet space]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of the MGIMO-University]. 2012, i. 6, pp. 172–175.
5. Issers O.S. *Rechevoe vozdeystvie* [Speech influence]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009.
6. Kobkov V.P. *Sposoby vyrazheniya povtoryayushchikhsya smyslovyykh komponentov v strukture predlozheniya v sovremennom angliyskom yazyke. Kand. Diss.* [Ways of expressing recurring semantic components in the structure of sentences in modern English. Cand. Diss.]. Moscow, 1965.
7. Mrazek R. *Sintaksicheskaya distributsiya glagolov i ikh klassy* [Syntax Distribution verbs and their classes]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of linguistics]. 1964, i. 3.
8. Papusha I.S. *Slozhnoe sintaksicheskoe tseloe kak sredstvo kommunikativnogo vzaimodeystviya s adresatom* [The complex syntactic whole as means of communicative interaction with the addressee]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Research and Development. Modern Communication Studies]. 2013. V. 2, i. 1, pp. 17–20. DOI: 10.12737/170.
9. Papusha I.S. *Slozhnoe sintaksicheskoe tseloe: struktura, semantika, funktsionirovanie. Dokt. Diss.* [Complex syntactic unity: structure, semantics, functioning. Doct. Diss.]. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2011.
10. Pospelov N. S. *Slozhnoe sintaksicheskoe tseloe i osnovnyye osobennosti ego struktury* [complex syntactic unit and the main features of its structure]. *Doklady i soobshcheniya Instituta russkogo yazyka* [Reports of Institute of Russian language]. I. 2. Moscow, 1948, pp. 32–53.

-
11. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/>
 12. Torzhok A.G. Implitsitnoe i eksplitsitnoe zameshchenie skazuemogo v posledovatel'nosti predlozheniy (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) [Implicit and explicit substitution predicate in the sequence of proposals (based on modern English)]. *Obuchenie inostrannym yazykam: ot professionalizatsii k professionalizmu: Materialy vtorogo mezhdunarodnogo nauchno-metodicheskogo mezhevuzovskogo seminara 18 noyabrya 2011 g.* [Foreign Language Learning: from professionalization to professionalism: Proceedings of the second international scientific-methodical intercollegiate seminar November 18, 2011]. Moscow, MGIMO-University Publ., 2012, pp. 142–154.
 13. Torzhok A.G. Protivopostavlenie grammaticheskikh form skazuemykh kak sredstvo pragmatiki rechi [The contradistinction of grammatical forms as a means of predicates pragmatics of speech]. *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philology at MGIMO]. 2014, i. 54.
 14. Shcherba L.V. *O chastyakh rechi v russkom yazyke. Kn.: Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [On the parts of speech in the Russian language. Proc.: Selected works on the Russian language]. Moscow, 1957.
 15. Yartseva V.N. Slova-zamestiteli v sovremennom angliyskom yazyke [Substitute the words in modern English]. *Uchenye zapiski LGU* [Scientific notes LSU]. I. 14. Leningrad, Leningrad State University, 1956, pp. 18–25.
 16. Crymes R. Some Systems of Substitution Correlations in Modern American English. The Hague, 1968.

Термин «методика» в контексте современной лингводидактики

A Term of «Metodics» in the Context of Modern Linguadidactics

DOI: 10.12737/7163

Получено: 11 сентября 2014 г. / Одобрено: 13 сентября 2014 г. / Опубликовано: 17 декабря 2014 г.

А.Н. Щукин

Д-р пед. наук, профессор,
Государственный университет русского языка
имени А.С. Пушкина,
Россия, 117485, Москва, ул. Волгина, 6,
e-mail: metod32@mail.ru

A.N. Shchukin

Ph.D., Professor,
State Institute of Russian Language
named after Pushkin,
6, Volgina st., Moscow, 117485, Russia,
e-mail: metod32@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена содержанию термина «методика» и его использованию в преподавании русского языка как иностранного в контексте современного развития лингводидактики. В статье рассматриваются определения термина «методика» с позиции существующих подходов к обучению иностранным языкам: системного, речедейательностного, компетентностного; характеризуются объект, предмет, средства достижения цели обучения с позиции компетентностного подхода, теории и технологии иноязычного образования. В статье также дается анализ существующих видов методик, получивших широкое применение на занятиях по языку в наши дни: классической (когнитивной), коммуникативной, интенсивной, игровой, интерактивной.

Ключевые слова: лингводидактика, методика, метод, подход к обучению, образование, иноязычное образование, теория обучения, иноязычная культура, технологии обучения.

Abstract

The article focuses on the content of the term methodology of foreign language teaching and its use in the field of teaching Russian as a foreign language in the context of modern linguadidactics. The article also considers attributions of the term "method" from the position of modern approach to foreign language teaching (systematic, speech of activities, competence). The article describes the object, the subject of linguadidactics, means of teaching in the context of communicative approach as well as the types of modern methodics (classical, communicative, education drama, intensive, integrative) that have extensive application in foreign and Russian language teaching.

Keywords: linguadidactic, methodic, method, methodology of foreign language teaching, communicative approach.

Переход российской высшей школы на новые образовательные стандарты 3-го поколения (2012), в основу которых положен компетентностный подход к обучению, дает основание уточнить содержание термина «методика» — ключевого в названии дисциплины «Методика преподавания русского языка как иностранного». Эта дисциплина является ведущей и профильной в подготовке филолога-русиста. Она знакомит с современным состоянием и тенденциями развития методики как учебной, научной и практической дисциплиной и обеспечивает формирование профессиональной компетенции будущего преподавателя русского языка, филолога-исследователя и специалиста в области межкультурного общения.

Термин «методика» в переводе с греческого означает «отрасль педагогической науки, изучающей особенности обучения какому-либо предмету» [1]. Применительно к преподаванию русского языка как иностранного (далее — РКИ) методика, будучи разделом педагогики (ее частной дидактикой), дает представление о научных основах и технологиях обучения и овладения РКИ. В то же время этот термин в преподавании РКИ, сравнительно молодой отрасли научного знания, насчитывающей около

500 лет [8], на протяжении своего существования в работах специалистов в области преподавания языков не получил однозначного толкования и на разных этапах развития методики как учебной, научной и практической дисциплины определялся с позиции разных научных подходов к обучению языкам.

Напомним, что термин «подход к обучению» (англ. *approach*) ввел в научный оборот английский методист Э. Энтони [15] для обозначения исходных положений, которыми руководствуются исследователи для анализа природы языка и способов овладения им. По мнению российских методистов, подход к обучению, будучи одним из определяющих понятий методики, представляет собой точку зрения на сущность предмета, которому надо обучать [3], определяет деятельность исследователя, направленную на изучение того или иного явления [10], характеризует содержание исследования в конкретной области знания [2].

Можно говорить о существовании в истории преподавания языков разных подходов к обучению языку, с позиции которых были предложены толкования понятия «методика». Назовем такие подходы, как *системный*, *речедейательностный* и *компетентностный*.